

Трубецкой Евгений Николаевич

Миросозерцание

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Николаевич Т.**
Мирозерцание: Том 2 / Трубецкой Евгений Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 420 с.

ISBN 978-5-519-77504-5

ISBN 978-5-519-77504-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часть IV.

Періодъ окончательный.

ГЛАВА XVII.

Крушеніе теократіи.

I. Сомнѣнія девяностыхъ годовъ.—Разочарованіе въ русскомъ обществѣ.

Выше я охарактеризовалъ второй, срединный періодъ творчества Соловьева какъ періодъ утопическій. Наоборотъ, типическая отрицательная черта третьяго періода литературной дѣятельности философа, тѣсно связанная съ его положительными чертами, есть совершенное и окончательное крушеніе всѣхъ его утопій. Прежде всего по отношенію къ его теократическому идеалу это можетъ быть подтверждено доказательствами, устраняющими возможность сомнѣнія.

Въ предисловіи къ первому тому твореній Платона самъ Соловьевъ ясно говоритъ о своемъ разочарованіи въ «исполнимости и полезности тѣхъ внѣшнихъ замысловъ», которымъ были отданы его «такъ называемые лучшіе годы». Въ кругу друзей Соловьева мнѣ приходилось слышать мнѣніе, будто подъ «внѣшними замыслами» слѣдуетъ разумѣть не саму теократическую идею, а только мечту о внѣшнемъ ея осуществленіи посредствомъ соглашенія русскаго императора съ папой. Несостоятельность такого толкованія бросается въ глаза: хотя Соловьевъ въ срединный періодъ своего творчества и останавливался на мысли о такомъ соглашеніи,—однако, безъ сомнѣнія не ей онъ «отдалъ свои лучшіе годы». Послѣднія слова, очевидно, могутъ относиться единственно къ мечтѣ, которая въ лучшіе годы философа была

всепоглощающей. А таковой была, какъ извѣстно, только его идея «всемирной теократіи».

Разочарованіе въ ней, впрочемъ, можетъ быть обнаружено не только косвенными, но и прямыми доказательствами. Рѣзкую грань между серединнымъ и заключительнымъ періодомъ Соловьева составляетъ его стихотвореніе «Панмонголизмъ», написанное въ 1894 году. Тутъ онъ приписываетъ *«льстецамъ Россіи»* ту самую мечту о будущемъ Россіи, которую передъ тѣмъ лелѣялъ онъ самъ:

Примѣромъ древней Византіи
Мы научиться не хотимъ
И все твердятъ льстецы Россіи
Ты третій Римъ, ты третій Римъ.

Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что отказаться отъ надежды на осуществленіе «третьяго Рима» для Соловьева значитъ прежде всего разочароваться въ теократической миссіи Россіи. Но не объ одной Россіи идетъ здѣсь рѣчь. Соловьевъ категорически утверждаетъ, что новаго Рима, призваннаго замѣнить первые три, не будетъ вовсе. Если Россія не осуществитъ свою теократическую миссію, то не осуществится вселенская теократія вообще.

Смирится въ трепетѣ и страхѣ
Кто могъ любви завѣтъ забыть
И третій Римъ лежитъ во прахѣ
А ужъ четвертому не быть.

Было бы ошибочно думать, что стихотвореніе «Панмонголизмъ» выражаетъ собою окончательный выводъ Соловьева. Оно высказываетъ въ формѣ отчаянья то, что въ 1894 году было для Соловьева еще только сомнѣніемъ, правда, мучительнымъ, но все еще неразрѣшеннымъ. Въ данномъ случаѣ, какъ это часто случалось съ Соловьевымъ, его поэтическое вдохновеніе упредило логическій ходъ его мыслей: въ пророческой интуиціи онъ прозрѣлъ то, что нѣсколькими годами позже облеклось въ форму правильнаго умозаключенія. Окончательное разочарованіе въ теократіи явилось здѣсь результатомъ сомнѣній, накопившихся годами; сочиненія Соловьева, а также личныя о немъ воспоминанія близкихъ ему людей даютъ намъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ всю эту внутреннюю борьбу, совершавшуюся въ мысли философа.

Читатель помнитъ, что для Соловьева вселенская теократія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и «русская національная идея». Вѣра въ теократію и въ русскій народъ, какъ *народъ царскій*, призванный возобновить въ будущемъ теократическую имперію, составляетъ здѣсь неразрывное органическое цѣлое. При этихъ условіяхъ неудивительно, что разочарованіе въ мессіанствѣ русскаго народа должно было привести философа къ разочарованію въ теократіи. Говоря иначе, крушеніе теократіи было здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и *крушеніемъ славянофильства* въ его новой соловьевской формѣ.

Вѣра Соловьева въ «третій Римъ», какъ русскую національную идею, боролась съ сомнѣніями даже въ тѣ годы, когда она была всего сильнѣе. Уже въ восьмидесятихъ годахъ онъ училъ, что идея каждаго даннаго народа не есть законъ природы, фатумъ, тяготящій надъ народомъ, а нравственная обязанность, которую онъ можетъ исполнить или не исполнить.

«Идея каждаго даннаго народа—не то, что самъ онъ думаетъ о себѣ во времени, а то, что Богъ думаетъ о немъ въ вѣчности»¹⁾. Будетъ ли осуществлена народомъ его идея, зависитъ не только отъ Бога, но и отъ самого народа, отъ степени его покорности и преданности волѣ Божіей. Съ этой точки зрѣнія Соловьевъ, уже въ восьмидесятихъ годахъ допускалъ, что Россія можетъ и не исполнить своего долга: онъ предсказывалъ, что въ такомъ случаѣ «она никогда не можетъ имѣть прочнаго успѣха ни въ какихъ дѣлахъ своихъ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ»²⁾.

Въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ истекшаго столѣтія подобнаго рода сомнѣнія могли только крѣпнуть. Въ то время рѣшительно ничто не свидѣтельствовало о рѣшимости Россіи осуществить царство правды на землѣ. И проповѣдь покаянья, съ которой обращался къ ней Соловьевъ, оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Славянофильскія утопіи здѣсь рушились сами собою, при всякой попыткѣ сопоставить ихъ съ русскою дѣйствительностью.

Мнѣ нѣтъ надобности припоминать здѣсь того разочарованія въ православіи, которое привело Соловьева къ католицизму. Какъ

¹⁾ L'Idée russe, 6, 7—8.

²⁾ Національный вопросъ, предисловіе, т. V, стр. IV.

уже было выяснено выше, рѣшающее значеніе здѣсь имѣло сопоставленіе нашей церковной дѣйствительности съ *идеаломъ* вселенской церкви. Церковь должна быть единою и вселенскою; между тѣмъ въ дѣйствительности среди православнаго міра царствуетъ всеобщій раздоръ и взаимное отчужденіе. Единство церковное должно быть дѣйственнымъ; вмѣсто того оно существуетъ у насъ только въ скрытомъ состояніи и не проявляется во внѣ. Это объясняется тѣмъ, что «вѣковыя цѣли приковываютъ тѣло нашей церкви къ безобразному трупу, который душитъ ее, разлагаясь»¹⁾.

Еще И. С. Аксаковъ утверждалъ, что наша церковь мало по малу превратилась въ родъ приказа или въ колоссальную канцелярію, которая примѣняетъ къ пастырскому служенію всѣ приемы нѣмецкаго бюрократизма, со всей официальной фальшью, ему свойственною. Выражая свое разочарованіе въ православіи словами послѣдняго мѳикана стараго славянофилства, Соловьевъ говоритъ: «учрежденіе, покинутое Духомъ истины, не можетъ быть истинной Церковью Божіей»²⁾.

Вслѣдъ за православіемъ наступила очередь двухъ остальныхъ устоевъ стараго славянофилства. Сначала, какъ мы видѣли, Соловьевъ включилъ ихъ въ свою теократическую схему. Онъ ждалъ осуществленія теократической имперіи отъ благочестія русскаго народа и отъ неограниченной самодержавной власти русскихъ государей. Къ концу его жизни, однако, и та и другая надежда рухнула.

Въ частности въ отношеніи Соловьева къ дореформенному русскому государственному строю уже въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ начались колебанія, которыя, благодаря тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, не могли быть высказаны въ печати.

Первое разочарованіе было вызвано всероссійскимъ голодомъ 1891 года. Подъ впечатлѣніемъ безсилія правительства въ борьбѣ съ хроническими неурожаями Соловьевъ заговорилъ о необходимости организовать русское общество для «правильной и постоян-

¹⁾ L'Idée russe, 22.

²⁾ L'Idée russe, 22—28.

ной дѣятельности на пользу народа». Вотъ что онъ писалъ по этому поводу.

«За эти тридцать лѣтъ ничего не было нами сдѣлано, чтобы улучшить крестьянское хозяйство и помѣшать тому естественному процессу, въ силу котораго половина европейской Россіи мало-по-малу приближается къ состоянію какихъ-то дикихъ степей. Ясно, что при нынѣшнемъ безкультурномъ состояніи русскаго народа и его хозяйства, этотъ процессъ запускѣнія остановить нельзя. Ясно далѣе, что самъ народъ не имѣетъ средствъ поднять свой культурный уровень, и что это также не можетъ быть прямою и непосредственною задачей правительства. Еще менѣе могутъ тутъ что-нибудь сдѣлать индивидуальныя усилія частныхъ лицъ... Значитъ, требуется дѣятельность общества, какъ такового, какъ организованнаго цѣлаго»¹⁾ (курсивъ мой).

Высказать въ печати больше этого Соловьевъ въ то время, разумѣется, не могъ; но въ бесѣдахъ съ друзьями, а въ томъ числѣ и со мною, онъ откровенно говорилъ о своемъ разочарованіи въ тогдашнемъ нашемъ государственномъ строѣ и о необходимости представительныхъ, конституціонныхъ учреждений. Помню, какъ при этомъ однажды онъ шутя показывалъ мнѣ красную подкладку своей шведской куртки и съ хохотомъ говорилъ: «а подкладка у меня на всякій случай вотъ такая». Эти разговоры происходили осенью 1891 года; къ тому же времени относится и цитированная только что статья «Нашъ грѣхъ и наша обязанность», напечатанная тогда въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Приведеннымъ словамъ этой статьи соотвѣтствовали весьма опредѣленные надежды и даже намѣренія покойнаго философа. Въ то время онъ часто говорилъ, что правительство «прозѣвало» голодъ и что общество должно *взять въ свои руки* помощь голодающимъ; онъ надѣялся, что на этой почвѣ зародится та *постоянная* общественная организація, которая возьметъ на себя заботы не объ одномъ только голодѣ, но *о народныхъ нуждахъ вообще*. Именно эту организацію онъ имѣлъ въ виду въ нижеслѣдующемъ воззваніи, обращенномъ къ русскому обществу. —

¹⁾ Нашъ грѣхъ и наша обязанность, т. V, 403.

«Покайтесь теперь, потомъ будетъ поздно. Грѣхъ вашъ одинъ въ двухъ видахъ. Вы отреклись отъ истиннаго христіанства и вмѣсто того, чтобы смягчать и устранять старыя историческія обиды, раздѣляющія человѣчество, вы стали всячески отягчать ихъ и умножать новыми изобрѣтеніями. Въ то время, какъ вы старались истребить все «чужое» во имя своего, вы на самомъ дѣлѣ забывали объ этомъ *своемъ*, о дѣйствительномъ благѣ нашего народа и ничего для него не дѣлали. Вы не сдѣлали ничего—не только для духовнаго воспитанія народа въ христіанской истинѣ, но даже для физическаго его пропитанья, для обезпеченія ему насущнаго хлѣба. И всѣ нынѣшнія и предстоящія страданія этого народа—на вашей совѣсти, вашъ грѣхъ. И первая ваша обязанность—въ немъ покаяться, а вторая—показать раскаяніе на дѣлѣ. *Соберитесь, организуйтесь для добра, какъ вы умѣете собираться и организовать свои силы для устройства дѣлъ вредныхъ и сомнительныхъ*» ¹⁾ (курсивъ мой).

Соловьевъ прекрасно зналъ, что, при возможности организоваться «для дѣлъ вредныхъ и сомнительныхъ», въ то время было строжайше воспрещено собираться для общаго народнаго дѣла, хотя бы и «для добра»; но онъ мечталъ объ *организации недозволенной*. Часто умственнымъ взоромъ онъ искалъ вождя, который могъ бы стать во главѣ общественнаго движенія и останавливался на генералѣ М. И. Драгомировѣ; послѣдняго онъ прочилъ, какъ онъ говорилъ *sum grano salis*, «въ узурпаторы». Насколько серьезно онъ объ этомъ думалъ, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: въ письмѣ отъ 11 сентября 1891 года къ М. М. Стасюлевичу онъ упоминаетъ о своемъ намѣреніи вернуться въ Петербургъ «во второй половинѣ октября, съѣздивши въ Кіевъ». Какъ онъ говорилъ мнѣ около того же времени, поѣздка въ Кіевъ была принята съ цѣлью вступить въ переговоры съ М. И. Драгомировымъ: Соловьевъ хотѣлъ предложить ему—*стать во главѣ общественной помощи голодающимъ*, при чемъ, по его словамъ, онъ видѣлъ въ этомъ *только начало*... Не со мной однимъ говорилъ объ этомъ покойный философъ. Тотъ же проектъ въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ слышалъ отъ него Л. Ф. Пантелеевъ, съ которымъ я въ то время знакомъ не былъ. Изъ

¹⁾ Тамъ же, 404.

воспоминаний послѣдняго, напечатанныхъ въ № 195 газеты «Рѣчь» за 1908 годъ видно, каково было политическое настроеніе Соловьева въ упомянутую эпоху. По разсказу Л. Ф. Пантелѣева, Соловьевъ говорилъ ему буквально слѣдующее.—

«Я говорю, что хочу предложить Драгомирову стать во главѣ русской революціи... Вы же мнѣ говорили объ архіереѣ, который хочетъ сложить съ себя монашескую рясу, значить онъ принадлежитъ къ числу недовольныхъ. Теперь сообразите: если во главѣ революціи будутъ стоять генералъ и архіерей, то за первымъ пойдутъ солдаты, а за вторымъ народъ и тогда революція неминуемо восторжествуетъ»¹⁾). Легко себѣ представить, какъ Соловьевъ былъ бы принятъ генераломъ Драгомировымъ. Л. Ф. Пантелѣевъ предсказывалъ философу, что генералъ или пригласитъ сейчасъ же мѣстнаго жандармскаго начальника или же въ лучшемъ случаѣ его высмѣетъ. То же говорили Соловьеву и другіе его друзья и доброжелатели. Остается радоваться, что онъ внялъ этимъ доводамъ, и поѣздка его въ Кіевъ не состоялась.

Колебанія въ основныхъ политическихъ воззрѣніяхъ, разумѣется, не могли не отразиться на соловьевскомъ пониманіи теократической идеи: ими затрогивался чрезвычайно важный для этого пониманія вопросъ объ отношеніи свободной общественности и царской власти въ теократической имперіи будущаго. Въ 1891 году мы еще не находимъ у Соловьева сомнѣній въ теократической задачѣ обоихъ этихъ началъ; но онъ начинаетъ высказывать новый взглядъ на ихъ взаимныя отношенія.

Я хорошо помню, что его симпатіи къ представительнымъ учрежденіямъ въ то время связывались съ идеей *всеобщаго царскаго священства*, о чемъ вслѣдствіе цензурныхъ препятствій онъ, разумѣется, высказаться въ печати не могъ. Читатель помнитъ, что въ произведеніяхъ философа, напечатанныхъ ранѣе, царская власть во вселенской теократіи для него олицетворялась

¹⁾ Въ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣева есть небольшая хронологическая ошибка: онъ относитъ приведенный разговоръ къ 1892 году. Между тѣмъ, онъ могъ происходить только въ 1891 году, такъ какъ годомъ позже, какъ мы увидимъ, Соловьевъ совершенно отказался не только отъ революціонныхъ замысловъ, но и отъ всякихъ надеждъ на русское общество, что видно не только изъ воспоминаній о немъ, но и изъ собственныхъ его печатныхъ произведеній того времени.

монархомъ самодержавнымъ и неограниченнымъ. Осенью 1891 года мнѣ приходилось слышать отъ него инныя разсужденія: всѣ мы цари и священники Бога Вышняго: поэтому всѣмъ надлежитъ участвовать какъ въ священствѣ, такъ и въ царствѣ. Участіе общества въ *царскомъ дѣлѣ* онъ представлялъ себѣ въ видѣ народнаго представительства. Въ связи съ этимъ онъ въ то время говорилъ мнѣ, что мы должны взять съ запада всѣ вообще *формы* общественной жизни, какъ церковной такъ и государственной; всегдашнее условіе всякихъ заимствованій съ запада—привнесеніе въ эти формы самостоятельнаго религіознаго содержанія тутъ подразумѣвалось само собой.

Увлеченіе конституціонными идеями оказалось, однако, на этотъ разъ весьма непродолжительнымъ. Это обусловливается частью особенностями ученія Соловьева, частью же впечатлѣніями дѣйствительности того времени. Несовмѣстимость теократіи съ представительнымъ образомъ правленія при современныхъ условіяхъ жизни бросается въ глаза. О всеобщемъ «царскомъ священствѣ» какъ объ основѣ и верховномъ принципѣ государственнаго строя возможно было, конечно, мечтать въ дни монархомаховъ XVI столѣтія или въ дни Кромвелля. Но среди современнаго общества, частью индифферентнаго, частью безбожнаго, демократическая теократія—самая неосуществимая изъ всѣхъ утопій. При этихъ условіяхъ Соловьевъ очень скоро былъ поставленъ передъ необходимостью сдѣлать выборъ между теократіей и конституціей.

Въ 1891 году его вѣра въ теократію въ существѣ своемъ еще не была поколеблена. Это, а также пережитое имъ разочарованіе въ русскомъ обществѣ, вскорѣ заставило его высказаться противъ конституціоннаго образа правленія.

Сомнѣнія въ состоятельности русскаго общества мучили его всегда; они не покидали его даже въ ту осень 1891 года, когда онъ обращался къ этому обществу съ воззваніями. Уже въ приведенной статьѣ «Нашъ грѣхъ» онъ пишетъ.—«Народъ голодаетъ, правительство всячески старается помочь ему, а общество ничего не дѣлаетъ»¹⁾. Въ другой статьѣ, относящейся къ той же эпохѣ, тѣ же сѣтованія высказываются съ еще боль-

¹⁾ Стр. 402.